Записки Горного Института. Т. VII—2. 1928.
Annales de l'Institut des Mines à Leningrade. V. VII—2. 1928.

Краткие воспоминания о Горном Институте за период 1858 — 1866 г.г.

А. Карпинский [1]).

Quelques souvenirs sur l'Institut des Mines dans la période de 1858 à 1866.

Par A. Karpinsky.

Пребывание мое в Горном Институте ограничилось сроком от конца лета 1858 г. до начала лета 1866 г. Институт, как известно, до осени 1865 г. был закрытым учебным заведением в течении многих лет, имевшим военный или, в мое время, полувоенный строй с постепенно ослабевавшей, затухавшей военной дисциплиной.

В значительную часть указанного периода Институт переживал переходное состояние, приведшее его к преобразованию в исключительно высшее открытое учебное заведение, не только вследствие постепенного закрытия подготовительных, соответствовавших гимназических курсов, но и под влияним новых правительственных и общественных течений шестидесятых годов.

Как мне казалось и кажется до сих пор, вследствие разнообразия требующихся для горного инженера сведений и, следовательно, разнообразия преподававшихся в Институте областей знания, учащиеся в нем отличались от некоторых и, быть может, от большинства дру-

[1]) Кружок студентов Горного Института выразил пожелание, чтобы я написал несколько строк о состоянии Института и быта институтской молодежи за время моего в нем пребывания в начале шестидесятых годов прошедшего столетия. Затрудняясь сперва исполнить упомянутое пожелание за полным недостатком времени, я, по некоторым соображениям, написал урывками приведенные ниже безискусственные воспоминания, которые, быть может, покажутся недостаточно серьезными и интересными, но, как мне кажется, довольно верно, хотя и неполно, и поверхностно, отражают жизнь института в указанный переходный период.

гих специальных закрытых учебных заведений того времени, особым интересом и восприимчивостью к общественным и научным вопросам.

Покойный академик В. И. Ламанский, в своей речи, обращенной к собравшимся поздравить его в день юбилею, указал на расширение его научного кругозора под влиянием товарищей его братьев, учившихся в Горном Институте. Один из этих братьев, Е. И., был впоследствии директором Технологического Института; другой, П. И., очень ценимый своими институтскими товарищами, принимал участие в передовых кружках своего времени, был другом Петрашевского, Достоевского и вместе с ними был заключен в Петропавловскую крепость. Отсюда видно, что и до моего поступления в Институт, при более суровом режиме того времени, свободная умственная жизнь в нем не была заглушена. В мое время некоторые „воспитанники" или „кадеты" принимали участие в литературных, иногда научных изданиях. Из числа их впоследствии наибольшею известностью (не говоря о специалистах-инженерах и ученых) пользуются различные по своим убеждениям Н. К. Михайловский, в журнале которого „Русское Богатство" принимали участие тогдашние эмигранты: В. И. Ленин, А. В. Луначарский и др.; философ Дебольский, К. А. Скальковский, яркий консерватор и бюрократ, талантливый остроумный писатель, ради красного словца никого не жалевший, автор не только фельетонов и занятных книг, но и серьезных сочинений, как бы старавшийся своею деятельностью оправдать известное изречение, что всякий род литературы хорош, кроме скучного.

Все события указанного периода оказывали более или менее сильное влияние на значительную часть тогдашних воспитанников закрытых учебных заведений, не только на более взрослых, но нередко и на находящихся в детском возрасте. Из числа таких событий особенно, как мне казалось, на „воспитанников" Института влияли: освобождение крестьян от крепостной зависимости (с ближайшими судебными и др. реформами) и польское восстание. К чести молодежи Института надо отметить, что никакой национальной вражды в нем не было. К полякам (как и к коллегам других национальностей) отношение было товарищеским, и думаю, что со стороны поляков оно было таким же, хотя большинство из них и считало себя большими патриотами. С начала восстания часть их исчезла из Института и приняла участие в отрядах повстанцев. Один из воспитанников, Чернявский, стоял относительно долго во главе такого отряда. Других участников восстания молодые инженеры встречали во время ссылки их в Сибирь, где, как известно, население не относилось к ним неприязненно. Напротив, многие из них, принадлежа к образованному классу, поддерживали свое существование преподаванием и тем спо-

собствовали просвещению страны; некоторые же оказали большие услуги научному изучению Сибири, как напр., по специальностям, близким к горному делу, такими деятелями были Чекановский и Черский, работавшие по возвращении из Сибири при Академии Наук.

Переходное состояние Институт переживал в мое время и в научно-учебном отношении, являясь в те годы, быть может, наиболее энциклопедичным, чем во всякое другое время. Разделения по разрядам „горному“ и „заводскому“ не было: инженеру полагалось знать все. При современном развитии наук горнозаводских специальностей такое знание является совершенно невозможным, но в мое время, 60—70 л. тому назад, лицам со способностями и очень хорошей памятью в Институте можно было получить основы таких знаний, дававших возможность самостоятельной работы в той горнозаводской области, на которой молодой инженер сосредоточивал свое внимание. И как бы ни казалась на первый взгляд узкой избранная им специальность (напр., доменная или медная плавка), каждый инженер, чтобы быть не только выдающимся, но вообще хорошим работником, должен быть настоящим ученым в своей и тесно соприкасающихся областях. И вполне естественно, что, напр., на международных геологических конгрессах горные инженеры пользуются одинаковыми преимуществами и правами с геологами. Тоже наблюдается и на с'ездах по механике, по исследованиям сопротивления материалов и пр.

Но и при этих условиях возникает вопрос о возможности совместить в 7 лет прохождение гимназического и высшего курса. Некоторое об'яснение такой возможности давало, при разнообразии предметов в Институте, отсутствие в нем преподавания древних языков, отнимавших у учащихся в гимназиях большое или даже большее количество времени. Что же касается Института, то предметы средней школы и высшей—не распределялись в нем строго по так называемым „приготовительным“ и „специальным“ курсам, и многие из наук высшей школы, и часто в соответствующем об'еме, преподавались еще, так сказать, в гимназическом отделе закрытого Института.

Таким образом в этом отделе изучались достаточно подробно вся теоретическая химия, в мое время пополненная специальным преподаванием органической химии, вся физика, кристаллография, минералогия, начертательная геометрия, аналитическая геометрия, дифференциальное исчисление, зоология, ботаника, гражданские законы и пр. Все это должно было войти в предметы высшего открытого учебного заведения и распределялось взамен прежних специальных классов, в 5 курсах.

Лично для меня переходное состояние Института сложилось очень благоприятно: оно не задержало моего выпуска и в то же время

дало возможность ознакомиться с некоторыми научными течениями, ушедшими впоследствии из институтского преподавания. В последний год моего пребывания в Институте я, напр., прослушал только что введеный в него курс политической экономии. Химию я слушал одновременно: неорганическую по дуалистической и органическую по унитарной системе, что имело большой интерес. Впоследствии преподавание некоторых наук, как ботаники и зоологии, отсутствующее в настоящее время, было обставлено гораздо лучшими силами, чем прежде. Ботанику преподавал директор Ботанического сада Баталин, а зоологию—Мечников и, после него, проф. Брандт.

Внутренняя жизнь в закрытом Институте была довольно однообразной. Свободное от обязательных занятий время распределялось между играми (городки, лапта и т. п.) весною и осенью в очень большом тогда саду Института, беседами, большею частью шутливыми, чтением, в которое младшие нередко погружались в ущерб учебным занятиям, особенно увлекаясь переводами занятных романов Дюма—отца. Но у старших преобладало и более серьезное чтение и изредка авторство, о чем уже упоминалось. Наиболее было распространено чтение тогдашних литературных „толстых" журналов: „Современника" и „Отечественных Записок", впоследствии также „Дела" и „Вестника Европы", также Катковского „Русского Вестника", когда в нем появились работы наших крупных писателей (напр., отрывки из „Войны и Мира" Толстого и др. [1]).

Другим увлечением большинства являлись театры, а также музыка и пение. Всем желающим музыка преподавалась дирижером оркестра б. Михайловского театра Бетц, учившим не только игре на фортепиано, но и на других инструментах. Пению учил Падалка, талантливый регент и образованный музыкант, приглашенный для церковного хора, но и вообще содействовавший не только хоровому, но и сольному пению. Как инструментальное преподавание, так и вокальное находили не только удовлетворительных, но и хороших исполнителей. Пение хором особенно практиковалось летом, когда воспитанники, кроме уезжавших на каникулы к родным и отправлявшихся на практические занятия на заводы и рудники, переезжали на дачу, где старшие из них занимались топографической с'емкой. На этих дачах устраивались и спектакли, пользовавшиеся успехом среди окрестной дачной публики. Вообще любовь к представлениям была очень большой, и иногда в неканикулярное время в комнатах, предназначавшихся

[1]) Кроме Толстого, Достоевского. Тургенева наибольшим успехом пользовались соч. Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Писарева (главным образом его научно-популярные статьи).

для занятий, устраивались инсценировки эпизодов из учебников и хрестоматий в смехотворной форме, а однажды была поставлена особая, написанная Скальковским оперетка „Дон Алонзо", (предвосхитившая этот, еще неизвестный тогда в нашей столице род представлений), умышленно переполненная хронологическими и бытовыми несообразностями. Музыку к ней и оркестровку скомпоновал восп. Дмитревский. На представлении, в присутствии высшего институтского начальства, был, между прочим, исполнен тот фривольный французский танец на балу у короля, с которым „воспитанники" могли ознакомиться при посещении водевилей нашего существовавшего тогда действительно образцового французского театра и некоторых иного рода запрещенных для посещения учреждений. В мое время увлечение музыкой вызвало организацию собственными силами „воспитанников" небольшого оркестра, для которого специально для исполнения определенных пьес пришлось в короткий срок выучить партиям контрабаса лицо, не умевшее играть ни на каком инструменте и не знавшее нот. Гармонифлют заменил флейту и кларнет. Исполнялись увертюра к „Свадьбе Фигаро" Моцарта и др.

Любовь к музыке вызывала и посещение трактиров с большими хорошими органами. Особенно для этой цели посещался трактир „Палермо" на Б. Итальянской ул. против Пассажа, где, между прочим, орган исполнял марш из „Тангейзера" Вагнера, оперы которого еще не ставились в Петербурге. На расписании органных валов значилось, что это марш из оперы „Еловые домики" (Tann häuser). Более взрослые любители не одной музыки охотнее посещали трактир „Лейпциг" на Офицерской, откуда при очень пошатнувшейся дисциплине возвращались поздно, а иногда и с повышенным настроением и пониженным сознанием. Небольшая часть увлекалась картами и в „занимательских" комнатах проводила за игрой часть ночи. Наблюдавшие за порядком дежурные офицеры старались этого не замечать. Большинство из них были люди порядочные и иногда сознававшие превосходство образования старших воспитанников над их собственным. Вспоминаю о В. П. Добронизском, наблюдавшим за порядком той половины воспитанников, в которой я оставался все время моего пребывания в закрытом Институте. Жизнь его была тесно связана с ними, и почти все время он проводил среди воспитанников. Когда Институт сделался открытым, он приходил на главное крыльцо Института, беседовал не без грусти с проходящими знакомыми ему студентами и быстро угас.

Вольный дух в последние годы существования закрытого заведения быстро развивался и однажды вызвал открытое массовое выступление по поводу предназначенного исключения из Института

одного воспитанника, что другими признавалось несправедливым. Был вытребован, обыкновенно далеко стоящий от воспитанников, строгий директор, и начальство уступило, не без последующего воздействия на предполагаемых инициаторов.

Известно, что в закрытых заведениях того времени, да, кажется, и позднее, существовали пороки, заключавшиеся в издевательстве более старших над „новичками" и младшими, а также пороки другого порядка или, правильнее, нравственного беспорядка. Первые пороки я еще застал при моем поступлении в Институт в 1858 г., но они были редки и быстро совсем исчезли. Я лично никакой обиды не испытал. Пороки другого рода, по слухам, догадкам или, вернее, по сплетням, существовали, но к ним относились в такой степени враждебно, что они тщательно скрывались. Вообще я должен заметить, что общий дух воспитанников был довольно нравственным.

При переходе к открытому учебному заведению быт их существования изменился.

Всем бывшим воспитанникам дана была стипендия в 25 р., на которую скромно можно было существовать. Каждый получил из казенного имущества платье, перешитое из форменного, конечно, не изящное, но не худшее, в котором мы недавно щеголяли, белье, кровать с тюфяком, подушкой и со всеми другими приспособлениями, дубовые: стол, комод и табурет.

Переход к свободе не был черезчур резким, потому что в самом Институте жизнь не была слишком стеснена. Во время лекций некоторые оставались в лаборатории или чертежной; уходить из Института можно было часто, возвращаться позднее, чем принято, и т. п. Но одним из главных преимуществ нового строя явилось освобождение от форменной одежды, избавлявшей от внешнего уличного офицерского и полицейского наблюдения. Двери всевозможных ресторанов и различных увеселительных заведений оказались широко раскрытыми, и большинство в этом отношении свободу использовало. На успешности учебно-научных занятий это, конечно, должно было отразиться на некотором числе студентов. Часть сравнительно успешных ранее — Институт не окончила, другие сильно отстали. Некоторые из бывших моих товарищей в младших и средних классах, были впоследствии моими учениками, когда через 3 года по выходе из Института, я начал преподавать на последнем его курсе.

В первые годы репетиций не было; знания студентов проверялись главным образом по результатам химических анализов, по исполнению проектов по механике, строительному и горному искусствам, по металлургии и пр. Из этого видно, что принудительных работ по существу не было.

Студенческий быт приблизительно походил на позднейший, но первый год, когда почти все студенты были обеспечены стипендией, позволявшей не иметь постороннего заработка, был гораздо благоприятнее последующих, и если приходилось иногда голодать, то по недостатку расчетливости или по иным случайным причинам. Я лично, напр., часто предпочитал два дня не обедать, чтобы раз на галлерее прослушать оперу. Питаться приходилось или холодной едой с чаем, или в кухмистерских, реже в трактирах или даже в т. наз. греческих кухмистерских, очень дешевых, но не всегда доброкачественных.

Для взаимной поддержки была основана студенческая касса, окончившая на первый раз крахом вследствие неумения ее вести.

В свободное от занятий время, которого по обилию занятий в сущности было немного, студенты посещали друг друга и, помимо неизбежных бесед веселого характера, интересовались литературными, общественными и политическими вопросами, а также студенческими волнениями, в то время обыкновенно начинавшимися с университета и отражавшимися на настроении студентов других учреждений. Убеждения большинства студентов были ультра-либеральными.

Когда, через 2½ года, я возвратился в Петербург и занялся в Институте обработкой имевшихся у меня геологических материалов для составления диссертации, то нашел некоторых моих бывших товарищей и близко знакомых ранее студентов, с которыми и поддерживал прежние дружеские сношения, как и со входившими в их круги позднее поступившими в Институт студентами. Таким образом в эти первые годы преподавания я хорошо знал как профессорский, так и студенческий быт. Впоследствии, когда крайнее обилие занятий не оставляло свободного времени, я должен был вести более уединенную жизнь. Но с моими учениками отношения были все время дружескими. Среди них были и такие, каких можно было уже тогда считать настоящими учеными [1]); от моих учеников-студентов можно было почерпнуть сведения, очень полезные, особенно геологу, работа которого связана со всеми областями знания, касающимися земли, но за которыми он часто не в состоянии следить с необходимою подробностью, что студентам дается или должно даваться профессорами-специалистами и притом с последними научными достижениями в каждой отдельной области.

Я потому остановился более на институтском быте в последние годы существования закрытого заведения, что обыкновенно принято, по сравнению с последующим состоянием открытого Института, изо-

[1]) Как пример, укажу на моего ученика и впоследствии коллегу по Горному Институту и по Академии Наук — Н. С. Курнакова.

бражать этот быт в сгущенных мрачных красках. Ничего этого в сущности не было, и 60 лет тому назад пребывание в закрытом Институте, насколько мне известно, было более свободным, чем даже позднее в большинстве интернатов казенных и частных гимназий и пансионов, не говоря уже о корпусах.

Я тем более сохранил об Институте благоприятное воспоминание, что без него мне вероятно не удалось бы получить не только высшего, но даже и среднего образования. Горные инженеры по службе получали в то время незначительное содержание, но они имели право воспитывать своих детей в Горном Институте на казенный счет. С 11-ти лет, когда я поступил в Институт, я ничего не стоил моей матери-вдове, получавшей 33 рубля пенсии. По окончании курса всем была выдана сумма, достаточная для обзаведения одеждой, и каждый мог определиться на государственную службу (на первый год для практических занятий) в желаемый им горнозаводский район.

Я выбрал Урал, где родился и провел детские годы, а на Урале выбрал Златоустовский Округ, привлекавший меня своей красивой разнообразной природой, с его минеральными копями, золотыми россыпями, огромными открытыми работами железных рудников (Бакальский и др.), с его доменным, чугуннолитейным и стальным производством и разнообразием почвенного (т. е. геологического) состава. Все это было знакомо мне, в пределах моего детского наблюдения и понимания, еще до поступления в Институт. Как это поступление, так и все остальное вполне соответствовало моему желанию. В течение 2½ лет я занимался на Урале, кроме быстрого ознакомления с металлургическими и механическими горнозаводскими производствами и самостоятельных геологических исследований, главным образом поисками и разведками золотоносных россыпей, поисками свинцовых руд, а также геологическими наблюдениями в Зауральской степи и изучением рудных месторождений восточного склона Урала, в качестве прикомандированного к одному русскому геологу, которому я и обязан тем, что, приехав в Петербург по частному поводу, я неожиданно получил предложение вернуться в Институт.

Résumé.

L'auteur — un des plus anciens ingénieurs des mines russes et président actuel de l'Académie des Sciences de l'U. R. S. S.—donne ici un tableau fort vivant de notre Institut il y a 60 â 70 ans. Dans un style bref et vif, il decrit l'organisation de l'enseignement et, en particulier, la vie et les mœurs des „pupilles“ ou „cadets des mines» d'alors. L'article renferme beaucoup de données autobiographiques présieeuses et intéressantes.

La Rédaction.